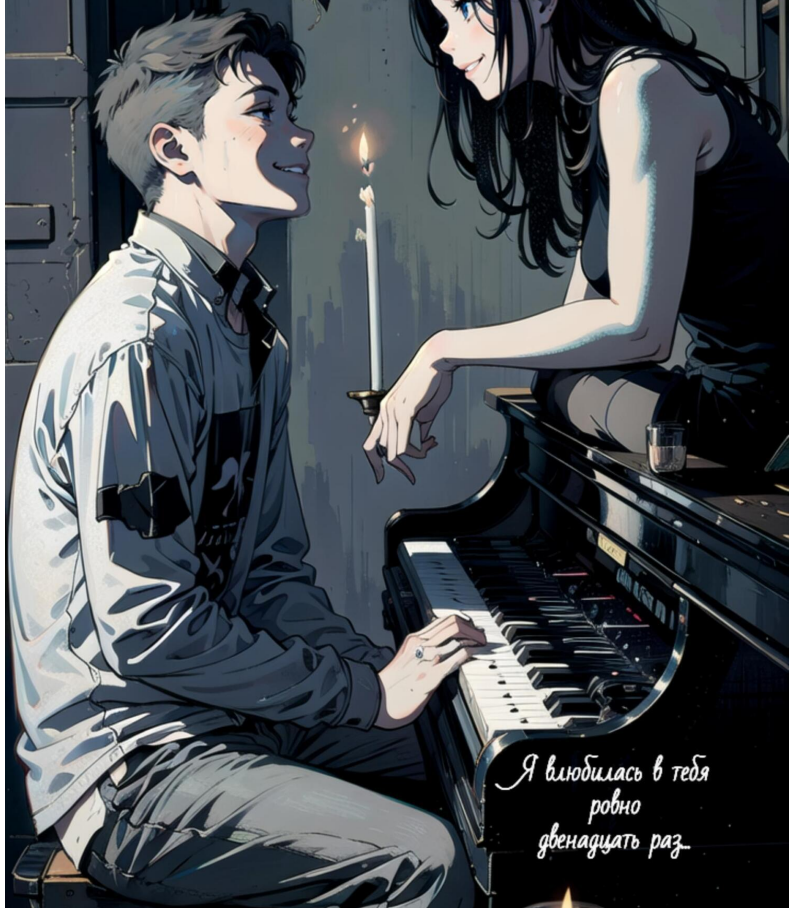

КЛАВИШИ
НАШЕЙ
ЛЮБВИ

Арсений
Шойн

Я влюбилась в тебя
ровно
двенадцать раз.

Арсений Шойм

Клавиши нашей любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70998055

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90131-5

Аннотация

Жизнь десятиклассницы Яны Павловой нельзя назвать простой. Взросление без отца, непонятное, холодное отношение со стороны матери, неумение видеть искренность и доброту в людях, и, как следствие, безразличие к себе, своим интересам и будущему. Единственная отдушина Яны – общение с любимым дедушкой. Но даже ему она не может доверить всех своих секретов, как, например, рассказать о том, куда именно она периодически ходит, чтобы побыть наедине с собой и дать волю подавляемым эмоциям. А ведь это место действительно необычное и во многом опасное для юной, беззащитной девушки. Именно там она неожиданно встречает Аристарха Серого – парня, который учится с ней в одной школе, в выпускном классе. Яна еще не подозревает, что в дне, когда происходит их случайное знакомство, кроется куда больше волшебства, чем в тысяче падающих с неба звезд.

Содержание

плейлист	4
глава первая	5
глава вторая	23
глава третья	43
глава четвертая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Арсений Шойм

Клавиши нашей любви

плейлист

Квашеная – Невидимка

Hayd – Changes

Дурной вкус – Звук и темнота

Roo Panes – Little Giant

PALC – Ипохондрик блюз

Nicky Youre, dazy – Sunroof

shadowraze – Холод

Roo Panes – There's A Place

Елка – Грею счастье

Ariana Grande – row

Ты знаешь меня лучше, чем я сам.

Через твои глаза взгляну я на себя иначе.

Твоя любовь отправит мой корабль к новым рубежам,

Где на своем пути он не столкнется с неудачей.

глава первая

Мама закончила мыть посуду, и теперь стояла в дверном проеме между кухней и коридором. Тщательно вытирала руки полотенцем и думала о чем-то своем. Увидев, что я уже зашнуровала ботинки, она поспешила скрестить руки на груди, а на ее лице воцарилась дежурная гримаса недовольства.

– И куда это мы собрались? – спросила она, окидывая меня с ног до головы характерным взглядом. Я для себя так до сих пор не разгадала этот ребус, что таил в себе этот взгляд: раздражение, презрение или желание сжечь меня на месте. Запросто поверю, что она вложила в него все сразу, да еще и в квадратной степени... Нет, в кубической.

– Гулять, – сухо ответила я, даже не взглянув на маму.

Мама сделала очень медленный и глубокий вдох. Боковым зрением я подметила, что ее ноздри то расширялись, то снова сужались. Казалось, еще чуть-чуть, и из них вылезет сам дьявол, чтобы в очередной раз напомнить мне о том, какая я непослушная дочь, и проткнуть мое сердце своим трезубцем.

– Да что ты говоришь? Моя ты замечательная, – саркастично произнесла мама, всплеснув руками. – Ты уроки сделала? А в комнате своей убралась, прежде чем идти куда-то?

– Вообще-то, завтра воскресенье, – заметила я.

– И дальше что? – невозмутимо поинтересовалась мама. –

Лучше сразу все сделать, пока голова помнит. Чем быстрее сделаешь, тем быстрее освободишься. В комнате порядок навела?

– А я наводила в ней беспорядок? – съязвила я в ответ.

Мысленно я усмехнулась тому, насколько удачным оказался мой ответ. Мне даже пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться.

– Ты слишком смелая стала? – надменно посмотрела на меня мама. – Я тебе не девочка, чтобы со мной так разговаривать. Пре皮раться со своими подружками будешь, понятно? Хотя, о чем это я... У тебя же их нет.

Мама явно посчитала свою реплику победоносной, поскольку дожидаться моего ответа она не стала. С нескрывае-мой улыбкой она прошла из коридора в гостиную, где удобно уселась в кресле.

Я безэмоционально посмотрела на нее из прихожей. За-дело ли меня то, что она сказала? Нет, ничуть. Поверьте, это далеко не самое неприятное, что мне приходилось от нее слышать. В свой адрес я получала такие ужасные слова, что если бы их сказали в адрес сорокалетнего здорового мужика, он бы выбежал из комнаты со слезами.

В принципе, я могла ничего не отвечать на этот выпад – мама уже и так достаточно удовлетворилась своим фантасти-ческим разгромом меня как личности. Но и я была не из роб-кого десятка. Оставлять последнее слово за ней я не хотела.

– Если тебе по-прежнему интересно, – равнодушно нача-

ла я. – Уроки я сделала. Хотя, после того, как я перешла в старшую школу, разве ты когда-то это проверяла? В комнате у меня чистота и порядок. Когда ты в последний раз видела там что-то похожее на бардак?

– Сейчас умру от смеха! – загоготала мама, выронив из руки пульт от телевизора. – Когда видела, говорит! Да у тебя там всегда бардак, потому что ты лентяйка и никогда ничего за собой по дому не делаешь.

– *В голове у тебя бардак*, – мрачно подумала я и закрыла за собой дверь, не став дожидаться маминого ответа. Какой смысл обижаться на того, кого жизнь уже и так обидела?

Начало мая в нашем крошечном городишке выдалось на редкость прохладным. И это еще мягко говоря. Выйдя из подъезда, я «невзначай» вспомнила про это. Не прошло и трех секунд, как я спустилась с лестницы, так мне в лицо сразу дунул резкий порыв холодного ветра. Слишком уж холодного для мая. Зябко поежившись, я теплее запахнула свой черный плащ и ускорила шаг. Хотелось поскорее дойти до места назначения, но хотелось дойти живой, а не так, чтобы окружающим меня людям пришлось вызывать ледокол.

Пятнадцать минут спустя я уже подходила к дверям одной из немногочисленных в нашем городе и, по совместительству, моей любимой кофейни. Я прошла внутрь, произвольно оглядывая все помещение. Делаю я так каждый раз, когда прихожу.

Сложно сказать, чем мне так нравилась именно эта кофей-

ня. Пастельные оттенки бежевого преобладали в интерьере, что я не особенно-то поощряла. В помещении было слишком много пустого пространства, которое никак не было задействовано. И все-таки, всегда хотелось сюда возвращаться. Ладно, сойдемся на том, что ключ к моему сердцу эта кофейня нашла в виде близкого расположения и двух милейших девочек, которые здесь работают, и с которыми при желании всегда можно о чем-то поболтать.

– Привет, – тепло улыбнулась бариста Катя, увидев меня. – Тебе как всегда?

«Как всегда» – раф с соленой карамелью большого размера. Долгое время я искала свое место в мире кофейных напитков. Сначала я остановила свой выбор на капучино или латте, чередуя в них все сиропы, какие только существуют. Но когда я в первый раз попробовала ЭТО... Мне кажется, мои вкусовые сосочки в тот момент прорубили окно посреди звездного неба, улетели туда, и возвращаться не собираются. Не представляю, как должен выглядеть человек, которому может не понравиться этот нектар богов. Вряд ли такой вообще существует. Нет, я сейчас не имею в виду тех людей, которые пьют суровые американо и эспрессо. Я о тех, кто любит что-то сладенькое, нежное и мягкое.

– Привет, – улыбнулась я в ответ и подошла к барной стойке. – Конечно, спрашиваешь еще.

Она весело подмигнула мне. Не сказать, что у меня было плохое настроение, но в сравнении с Катей – я, будто, с

похорон пришла. В принципе, оно и неудивительно. Последний месяц Катя очень часто, как бы это сказать... Негодовала от старой кофемашины, на которой приходилось работать. Эта капризуля периодически начинала произвольно шипеть, свистеть, гудеть и много чего еще делать, ненароком пугая при этом бедных посетителей. Катя и Олеся чуть ли не слезно вымаливали у начальства новую кофемашину, и знаете что? Их молитвы не растворились в воздухе! Да, свершилось самое настоящее чудо. Несколько дней назад управляющий приобрел для кофейни новый аппарат, видимо, тоже поняв, что работа на неисправном устройстве может сказаться на неодобрении со стороны посетителей и, как следствие, меньшей выручке.

Мне еще не представилось возможности оценить их новое приобретение, поскольку, несмотря на праздники, всю прошедшую неделю я погрязла в уроках. Сегодня первый день за последние дней семь или восемь, когда выдалась возможность выйти из дома куда-то вне школы. И то, скорее больше потому, что сейчас вечер субботы. Сами понимаете, на носу конец года, дел выше крыши. И это притом, что к учебе я отношусь максимально безучастно. Я просто понимаю, что я не тупая, а уроки и оценки – лишь условности. Бесспорно, я не отличница, но и до двоечницы мне еще о-го-го как далеко. В плане оценок я так, середнячок.

Я расплатилась за кофе и украдкой взглянула на Катю. Та светилась изнутри и снаружи. Чем не слепящее в душный

июльский день солнышко? Не предполагала, что поздним вечером мне понадобятся солнцезащитные очки. Жаль, я их дома оставила. А то, с какой любовью и бережностью Катя протирала тряпочкой кофемашину – надо было видеть! Сразу становилось понятно – новое приобретение оказалось, как говорится, что надо. Короче, держалась я, как могла, но утаить внутри добрый смешок так и не получилось. Хорошо, что Катя не заметила.

– Мне кажется, или ты какая-то печальная сегодня? Что стряслось? – участливо поинтересовалась Катя в процессе приготовления кофе для меня.

– Ты же знаешь, я вечно хожу с лицом недобитого зомби, – усмехнулась я, рассеяно глядя куда-то в сторону.

– Знаю, – кивнула она. – Сколько раз я говорила: Яна, улыбнись! Ты своей кислой миной распугаешь мне всех посетителей!

– Ну да, – начала жеманно кокетничать я, уставившись в пол. – Вот такая вот я дама со странностями. А кто сейчас нормальный, скажи мне?

– От того, что ты один раз в жизни искренне улыбнешься, ничего не случится, – наставническим тоном подметила Катя. – Земля не сойдет с орбиты, акулы не выйдут на сушу, раф с карамелью не закончится.

– Знаешь, а я и не против, если акулы выйдут на сушу. Я бы одну из них приручила, и «случайно» бы натравила на кое-кого, кто слишком много о себе возомнил, – спокойно

ответила я, показывая пальцами кавычки.

– Идея неплохая, кстати, – согласилась Катя. – Зато, если будешь милой и приветливой, с тобой будут знакомиться мальчишки.

Если бы в ту секунду я уже сделала глоток кофе, я бы обязательно им поперхнулась.

– Ужас... Со мной не будут знакомиться мальчишки, – саркастически заговорила я полусшепотом, закатывая глаза. – Какая трагедия...

Не скрывая скепсиса, я посмотрела на Катю. Я сначала подумала, что мне абсолютно точно послышалось: ну не могла она такого сказать.

Мне через две недели исполнится семнадцать, а Кате – двадцать два. Она, как и я по знаку зодиака телец. Дни рождения у нас почти в один день – у меня девятнадцатого, у нее двадцатого. По логике, она и я должны иметь во многом схожий взгляд на мир. В чем-то это действительно так, но, судя по всему, не в этом. Тысяча разных причин пронеслась в моей голове, почему она сказала именно *это*, но я так и не поняла. Единственный спорный аргумент, который я смогла наскрести, это тот, что она судит по тому, как прошли ее собственные последние пять лет жизни. Может, у нее самой произошло много приятных открытий и знакомств в эти годы. И все же, блин, как это странно прозвучало!

Мне кажется, в то мгновение она отчетливо разглядела в моих сузившихся глазах желание пойти утопиться.

– Что ты сразу включаешь свой режим зрения «Билли Айлиш»? – расплылась в доброй улыбке Катя. – Тебе скоро семнадцать! Самое время для знакомств.

– Ты вот сейчас звучишь прямо как все те странные люди, которые вечно говорят стереотипные фразы, по типу: пора бы уже и рожать, а часики-то тикают! – раздосадованно ответила я.

– Ой, перестань, – расхохоталась Катя. – Ты прекрасно поняла, что я имела в виду.

– Допустим, – отозвалась я, глядя ей прямо в глаза. – Но формулировку ты подобрала крайне неудачную.

– Ладно, проехали, – улыбнулась в ответ Катя.

С благодарностью кивнув Кате, я взяла свой картонный стаканчик счастья, и устроилась на один из высоких стульев, стоящих за стойкой напротив окна. Несмотря на вечер выходного, гостей в кофейне в этот час находилось неожиданно мало, всего несколько человек. Похоже, опять какое-то мероприятие проходило, о котором я даже не знала. Собственно, ничего нового. Жизнь этого непонятного города, который и городом-то толком назвать нельзя почти всегда проходила мимо меня.

Все эти пустые мысли заставили меня смачно зевнуть. Я взяла свой кофе в обе руки и отрешенно уставилась в окно. Меня мало интересовало, что там творилось. Я пришла для того, чтобы расслабиться, выпить свой любимый напиток и подумать.

Окружающий мир по ту сторону стеклянного ограждения уже почти полностью погрузился во тьму. Оно и понятно, ведь уже начало десятого. Припозднилась я сегодня с выходом в свет. Поразительно, что мама ничего не сказала на счет того, что уже поздно для прогулок. Хотя с другой стороны – не припомню, чтобы в нашем захолустье вводили комендантский час для несовершеннолетних. Выгляжу я старше своего возраста, по моей внешности можно с легкостью сказать, что мне лет восемнадцать. Да и мама, должно быть, уже вдоволь наигралась в строгого родителя за этот вечер.

Я вновь посмотрела на часы. До закрытия кофейни оставалось меньше часа. Что ж, значит, проведу все это непродолжительное время здесь. У меня действительно уже давно не выдавалось такой приятной возможности побыть наедине с собой.

Достав из сумки наушники, я испустила тихий вздох недовольства. Ненавижу, вот просто ненавижу, когда эти проводные братцы решают слиться воедино! Каждый раз приходится изрядно покряхтеть и попыхтеть, чтобы их распутать. Я клянусь, у меня уже скоро нервный тик от них начнется! Или я просто без ногтей останусь. Как им вообще удастся такие сети сплести друг из друга, они же просто лежат в моей сумке?! На одном и том же месте!

Минут пять или шесть (по ощущению, целую вечность), я потратила на то, чтобы кое-как распутать свои наушники. Облегченно вздохнув, я вставила их в уши, включила люби-

мый плейлист и моментально забыла обо всем.

Давайте познакомимся поближе! Меня зовут Яна Павлова и я... Совершенно без понятия, что о себе рассказать, на самом деле. Сама себя я считаю самым обычным человеком. Не могу перечислить никаких необычных качеств и свойств, которые могли быть присущи девушке, которая заканчивает десятый класс. Я могу похвастаться только тем, что для своего возраста, наверное, я слишком... Взрослая? Не уверена, что подобрала корректное слово для описания, но мне кажется, что так оно и есть. Во-первых, как я уже сказала, я выгляжу старше, чем есть на самом деле. Как я поняла, моя внешность и характер пытаются сладить друг с другом таким образом. В плюс к этому идет и то, что я самая старшая в своем классе. Меня хотели отдать в школу на год раньше, что было бы гармоничнее, но из-за того, что не хватило мест, пришлось подождать еще один год.

Когда я окончу школу, мне будет целых восемнадцать лет! Это же кошмар!

Еще я слишком рано стала жить самостоятельной жизнью. Если я хочу что-то сделать, я делаю это, если хочу пойти куда-то – иду. Само собой, я не делаю ничего такого, что выходило бы за рамки нормы. Мне такое несвойственно. Может, поэтому с какой-то стороны я скучная. Иногда у меня проскакивает такая мысль, но я ее тут же откидываю в сторону. Я никому ничего не должна. Бывает, конечно, и такое,

что моя мама решает вставить свое веское словечко в мои планы, из-за чего не всегда выдается возможность делать то, что хочется, и идти, куда хочется.

Многие люди (в основном в школе: учителя, одноклассники) считают меня забитым интровертом, которого хлебом не корми, дай только посидеть в каком-нибудь укромном уголке, где никто не сможет потревожить. Но это неправда! Если я не особо сильно тянусь к людям – еще не значит, что я забитая. В бытии интровертом я уж совсем ничего плохого не вижу. По-настоящему искренних людей очень мало в этом мире. Я таких пока не нашла.

А так я очень даже позитивный человек. Ну, по-своему, но позитивный. Черный юмор особенно люблю, а вот мама его не понимает.

Раз уж я заговорила про маму, расскажу немного о ней. Мою маму зовут Феокиста Павлова (да, ее имя – это отдельно взятая комедия). Взаимоотношения у нас тоже как у героев фильма. Только я вот пока не решила: похоже это больше на комедийный фильм или, все же, грустную драму. Всегда получается по-разному. Все свои шестнадцать лет я терплю от нее непонятное, равнодушно-строгое отношение. И я не понимаю, честно говоря, чем я его заслужила. Из года в год я задаюсь этим вопросом и не нахожу ответа. У меня есть несколько версий, и, думается мне, что какая-то из них прячет под собой правду. Но, пока мама сама не захочет обсудить этот вопрос со мной, я не стану выдвигать предположе-

ний. Почему? Потому что не хочу. Не буду я делать первый шаг на встречу. Никакого зла я ей не делала. Если ей комфортно общаться со мной в таком ключе – хорошо, пусть будет так. За эти годы я уже научилась отвечать ей тем же.

Больше ничего такого интересного про маму рассказать не могу. Работает на хлебозаводе фасовщицей. Сейчас даже сосчитать не смогу сколько раз в детстве я упрашивала ее взять меня на экскурсию к ней на работу. Я начала умолять ее лет в шесть или семь, а несколько лет назад перестала. Знаете почему? Просто попробуйте угадать с одного раза.

Вне зависимости от ваших теорий, уверена, что вы почти угадали. Четыре года назад моя детская мечта осуществилась, и я побывала на нашем хлебозаводе. Вот только поехала я туда не с мамой, а со школьной экскурсией. Ясно помню, какой была моя реакция, когда в школе объявили об этой поездке. Я лишь грустно усмехнулась. Главная ирония этой ситуации заключается в том, что в тот день, когда мы поехали на экскурсию, у мамы был выходной. Только теперь я поняла, что это оказалось даже к лучшему. Ехала я туда, кстати, уже без особого энтузиазма.

Короче говоря, мама моя – обыкновенная женщина, у которой такая же обыкновенная дочь. По крайней мере, хотя бы в степени родства сомневаться не приходится.

Своего отца я не знаю. Единственная информация, которой я владею о нем, это его имя – Александр – и то, что он ушел из семьи, когда мне было полгода. Не густо, а что по-

делать. Это сейчас, когда я уже в сознательном возрасте, я понимаю, что такая картина мира знакома многим семьям. Мать, которая остается практически одна с полугодовалым ребенком, вынужденная работать за двоих, чтобы прокормить себя и свое чадо. Картина безрадостная, но реальная. Наверное, именно поэтому я всегда общаюсь с мамой снисходительно. По крайней мере, стараюсь. В чем я точно уверена, так это в том, что к своей маме я отношусь гораздо теплее, чем она ко мне. Но я не виню ее за это. Она через многое прошла, и кто знает, что творится у нее в голове на самом деле. Теперь уже я сомневаюсь, что хочу узнавать, какие демоны там обитают. А вот когда я была маленькой, частенько подначивала ее на разные откровенные разговоры по поводу отца. Мне действительно хотелось докопаться до истины. Но мама лишь отмахивалась от меня. Мол, не твоего ума дело.

– Зачем тебе отец? Тебе что, меня мало? – спросила мама однажды, когда мне было лет пять.

Отца я тоже ни в чем не виню. Ну, ушел и ушел. С годами я смогла сделать неутешительный вывод, что это происходит здесь и всюду. Я какая-то слишком добрая, получается. Ни на кого не злюсь, ни на кого не держу обид. Наверняка, у отца нашлись веские причины на этот поступок. Или произошло что-то такое, из-за чего родителям не удалось сохранить брак. Хотя, почему, тогда, он не захотел общаться со мной... В общем, все это очень странно.

Само собой, если бы сейчас он откуда ни возьмись, по-

явился в моей жизни, я была бы рада пойти с ним на сближение. Во многие периоды моего взросления мне очень не хватало участия отца.

В связи с тем, что все мое детство маме приходилось пахать как лошади, чтобы прокормить и себя и меня, я много времени проводила у бабушки с дедушкой. Бабушка, к сожалению, умерла очень рано, когда мне едва исполнилось пять. Звали ее Вера Семеновна. Но вы бы только знали, как я порой скучаю по ней! Я любила ее больше жизни! А какие вкусные блинчики с маком она готовила! Каждый раз, когда мама приводила меня к ним домой, на столе уже дожидалась порция ароматных и теплых блинов, заботливо приготовленных любимой бабулей. Я еще из коридора чуяла этот манящий запах меда, и неслась в кухню как сумасшедшая. Прошло уже почти двенадцать лет, как умерла бабушка, а я до сих пор помню этот вкус, словно только утром наслаждалась этими блинчиками.

Если бы бабушка была жива, она бы мне точно рассказала, в чем кроется настоящая причина такого странного контакта мамы со мной. Бабуля души во мне не чаяла, но, очевидно, что в четыре года я была еще слишком мала для душевных разговоров. Эх, как же мне ее не хватает...

Зато дед у меня – мировой мужчина. Будучи довольной, как слон, могу с гордостью объявить, что меня называли в его честь. Я хоть и не нахожу в имени Яна никакой уникальности, но сам факт того, что меня называли в честь дорогого де-

душки оставляет меня более чем удовлетворенной. Ян Викторович – это такой человек, который может и розетку починить и вкусный ужин приготовить. Сколько всего он сделал для меня, так этого и не перечесть. Как-то раз ему пришлось отправиться на поиски круглосуточного магазина просто потому, что у его внучки, которая на тот момент была еще крошечной, внезапно закончились подгузники. Мама забыла их купить перед работой, и ему ничего другого не оставалось, как пойти за «покупками» ночью. И ведь он пошел. Ну и как, скажите вы мне, не ценить и не любить такого деда? Вот он для меня гораздо больший отец, чем настоящий.

Смерть бабушки, конечно, сильно по нему ударила.

– Зато никакой краски для волос не нужно, – сказал как-то дедушка с тоской в глазах и скорбной улыбкой на улице.

И это сушая правда. Я помню, как рассматривала фотографии со свадьбы бабушки с дедом: его стройную фигуру облегал элегантный темный костюм с белой рубашкой и бабочкой. Дедушка определенно мог считаться модником того времени. Его черные, как смола волосы (я уверена, что и цвет волос мне тоже достался от него), были строго зачесаны назад. Таким волосам позавидовал бы любой. В молодости дедуля выглядел просто шикарно. Не побоюсь этого слова, безусловно. Но жизнь иногда привносит свои корректировки. Ее не интересует, нужны ли эти корректировки, уместны ли они. Она их просто привносит.

Не прошло и недели со дня смерти, как лицо деда заты-

нулось меланхолической дымкой перемен. Углубились морщинки на лбу и вокруг глаз, кожа стала сухой и бледной. Но самые тяжелые изменения постигли как раз его густую шевелюру. В ночь после того дня, как бабушки не стало, что его борода, что волосы поседели разом. Вы можете себе такое представить? Наверное, можете, я и сама теперь могу. А вот в пять лет не могла. Вообразите чувства и эмоции пятилетней девочки, когда она приходит в гости к своему милому деду, который своей внешностью мог еще фору многим молодым мужчинам дать, а вместо него видит престарелого беловолосого старичка. Я долго не могла свыкнуться с этим, и только повзрослев, для меня все встало на свои места.

Дедушка постарел за одну ночь.

К счастью, он смог преодолеть свое горе и оправиться. Мне кажется, у него в жизни сейчас осталось две главных радости: чтобы я чаще приходила в гости, и чтобы на улице было тепло. Второе нужно потому, что дедуля заядлый любитель посидеть на скамейке у подъезда с другими пенсионерами и поговорить. А говорить он умеет очень хорошо. С другими мужчинами активно обсуждает футбол и автомобили, а с женщинами события в городе, погоду, тягости нынешней жизни и прочие пустяки. Пусть и менее активно. Иногда, когда прихожу навестить его, а он сидит на улице, я скромно подсаживаюсь к нему на эту деревянную скамеечку и покорно жду, когда он закончит общаться. Не буду же я лишать его одной из немногих радостей.

– Сиди, сиди, разговаривай, мы же никуда не торопимся, – обычно говорю ему я, машинально доставая из кармана телефон.

– Я еще насижусь здесь, – деловито отвечает дедушка. – Да вот не хочу, чтобы ты ждала меня и мерзла. Пойдем-ка, я тебя лучше накормлю. Я такого борщеца отменного сварил, со стула свалишься!

И я всегда послушно иду.

Такая вот у меня семья. Безусловно, в этом мире есть семьи и лучше, ну а мне-то что до этого? Правильно говорят: семью не выбирают. Не будь моей семьи такой, какая она есть, не было бы и меня. Такой, какая я есть. Что-то я переняла от дедушки, что-то от бабушки, а что-то от матери. Надеюсь, меньшую часть, и, желательно ту, которая еще не помутилась рассудком.

Не могу быть уверенной наверняка, но, думаю, что и от отца что-то досталось.

И, может быть, вы удивитесь, но я всем довольна.

Из недр души я вынырнула, только когда Катя тихонько дотронулась до моего плеча.

– Который час? – задала самый тупой вопрос на свете я, пытаюсь прийти в себя.

– Пять минут одиннадцатого, – весело произнесла Катя. – Яна, мне закрывать кофейню пора. Я не хочу тут ночевать.

В этот самый момент мой телефон коротко взвизгнул, уве-

домляя о новом сообщении. Я искоса глянула на экран, заранее предугадывая автора. Я не ошиблась. Мама «неумолимо и горячо» желала знать, где я прохлаждаюсь, и почему я до сих пор не дома. Только я в более вежливом формате передала основную мысль.

– Да поняла я, поняла! – лихорадочно ответила я, то ли Кате, то ли маме.

глава вторая

Я аккуратно повесила плащ и сумку на крючок в шкаф. Неосознанно, из меня вырвался унылый вздох. Погода на улице явно позабыла о том, что сейчас господствует май. А май это конец весны, вообще-то.

Ровно, как и зиму с ее морозами, знойную летнюю жару я не воспринимаю. Моя любимая пора – осень. С художественной точки зрения, самое красивое время года. К тому же, почти нет этой невыносимой жары, я могу спокойно ходить в своей уютной мешковатой одежде и не беспокоиться о том, что в течение дня с меня стекут десятки ручьев пота. Но хочу сказать, что сейчас даже я устала от этих холодов. Устала стучать зубами, каждый раз выходя на улицу. Устала переминаться с ноги на ногу в ожидании автобуса, который как назло все не едет и не едет. Устала! Тепло, где же ты? Я скучаю.

– Не замерзла, пока шла? – спросил дедушка, высунувшись из кухни.

По-видимому, он прочитал мои мысли.

– Я едва чувствую пальцы, – захныкала я, входя в кухню. – Мне уже надоело ходить в той одежде, которую я обычно убираю в шкаф еще в конце марта! У нас май, или не май?

– Это еще хорошо, что тебе до меня идти всего пятнадцать минут, – хмыкнул дедушка, стоя у плиты. – Я и сам давнень-

ко такой холодной весны не припомню.

Не успела я сесть на стул, как мне на колени запрыгнула Палитра и начала неустанно ластиться.

Как-то в начале весны, когда я еще училась в первом классе, дедушка пришел в школу, чтобы забрать меня после уроков. Мы добрались до дома нашим повседневным маршрутом, разговаривая о всякой всячине. Дедушка открыл дверь подъезда, и мы спокойно вошли внутрь, совершенно не подозревая, какой сюрприз нас там будет поджидать.

Перед нашим с дедулей взором нарисовался микроскопических размеров котенок. Прямо под лестницей. На вид ему было не больше месяца. Господи, как же сиротливо он выглядел! Котенок истошно кричал, несомненно, пытаясь донести до всего мира, что он очень голоден. Только впоследствии мы узнали, что это вовсе не он, а она, но к этой детали я вернусь чуть позже.

Маловероятно, что котенок изначально был ничейный. Он выглядел вполне ухоженно, просто был очень тощим. Скорее всего, кто-то из жильцов подъезда посчитал, что котенок – непосильная для него ноша, и, недолго думая, выставил за дверь.

Я нагнулась и потрепала его по мягкой трехцветной шерстке. Котенок, в свою очередь, проворно запрыгнул мне в руки, а затем, как самый отпетый скалолаз вскарабкался на левое плечо, стараясь забраться максимально высоко и ни на секунду не переставая мяукать.

Мы с дедушкой переглянулись. В его глазах я без слов смогла разглядеть будущую жизнь Палитры. Я уже тогда знала без сомнений, что у бабушки доброе сердце, и вероятность того, что он оставил бы беззащитное существо на произвол судьбы, равнялась нулю. Вот это еще один из ключевых моментов, за что я так люблю своего деда – причастность. Кому-то было бы все равно, человек просто прошел бы мимо, не обратив внимания на котенка. А вот моему дедушке оказалось не все равно. Он не прошел мимо, не бросил живое существо на голодную погибель, а просто взял, и стал для нашей Палитры новым домом.

Так она у нас и очутилась. Я решила придумать имя Палитра именно из-за ее трехцветного окраса. Она такая же разноцветная, как и настоящая палитра. На большей части ее тельца преобладает белая шерсть, но также есть участки с черной и рыжей шерсткой. Такого красивого окраса у кошек я никогда в своей жизни не видела. Вроде как считается, что трехцветная кошка приносит в дом счастье и удачу. Я в это верю. Для меня Палитра что-то вроде особого талисмана. У меня в сумке всегда лежит ее фотография. Я часто смотрю на нее когда мне грустно. Не всегда же есть возможность увидеть свой талисман вживую. На телефоне и дома у меня тоже бесчисленное количество фотографий: Палитры со мной, Палитры с дедом, Палитры отдельно. Эти фотографии всегда согревают мое сердце в мрачные времена.

По нашествию, мы почти сразу отнесли Палитру к ве-

теринару, где ей сделали все необходимые прививки. Как нам сказал врач, Палитру мы нашли в возрасте трех-четырех недель. От ветеринара мы, собственно, и узнали, что она девочка. Лицо дедули надо было видеть в тот момент. Он-то до последнего был уверен, что это кот, а я была еще слишком маленькой, чтобы понять, нашли мы мужественного самца или прекрасную самочку.

– Ну... Бывает, – смущенно улыбнулся дедушка тогда. – Девочка это тоже хорошо. Одна у меня есть, теперь будет две.

Конечно, я хотела забрать Палитру к себе домой, но даже думать об этом не имело смысла. Мама никогда в жизни бы мне не разрешила. Посоветовавшись с бабушкой, мы пришли к единому решению, что для всех будет лучше, если Палитра останется у него. Во-первых, бабушке будет не так одиноко, а во-вторых, моя нервная система будет целее от потенциально возможных упреков мамы по поводу заведенной кошки.

Сейчас же эта девятилетняя царица удобно устроилась на моих ногах, и неторопливо переводила свой взгляд с бабушки на меня и обратно. Я начала тихонько чесать у нее за ухом. Это всегда хорошо способствовало ее быстрому засыпанию.

– Она соскучилась по тебе, – плутовски произнес дедушка.

– Да? Она сама тебе об этом сказала? – пошутила я в ответ.

– Я с этой красавицей уже десятый год живу, – деловито заявил дедушка. – За столько лет совместной жизни я уже

научился понимать кошачий.

Да ёшкин кот! Вот зачем дедушка сказал именно так? Я сюда не плакать прихожу!

К слову сказать, Палитра – наш первый общий питомец. До этого ни у меня дома, ни у бабушки с бабушкой не водилась никакая живность. Ни кошек, ни собак, даже несчастных рыбок в аквариуме никогда не было. Поэтому к нашему разноцветному чуду мы относились и относимся с особым трепетом.

Я сочувственно посмотрела на деда, который продолжал стоять ко мне спиной. Он по-хозяйски что-то накладывал из сковороды. Естественно мне. Когда я у него в гостях, он никогда не спрашивает, хочу я есть или нет. У него уже все устроено. Даже если я появляюсь без предупреждения, на плите все равно будет стоять кастрюля или сковорода с чем-то ароматным и соблазнительным. Я даже не спорю никогда, просто повинуюсь и жду, когда передо мной окажется уготованная мне порция.

Не прогадала я и на этот раз. Из-за притупившегося в последнее время обоняния, определить сразу по запаху, что именно приготовил дедушка, я не смогла. Четко выделялся только чеснок и специи. Что-то овощное, скорее всего.

– На скорую руку приготовил, – сказал дедушка, водрузив передо мной тарелку с чем-то разноцветным.

Я заинтересованно уставилась на содержимое, пытаюсь дать точное определение тому, что мне предстояло съесть.

– Овощное рагу из кабачков? – медленно предположила я, переводя взгляд на дедушку.

– Так точно, – кивнул он. – Сейчас чай налью, чайник закипел уже.

Я вновь вылупилась на тарелку. Слово «тазик» подошло бы под описание размера этой посуды куда лучше. Дедушка явно переоценивал мои возможности.

– Неужели я выгляжу настолько голодной? – беспомощно пропищала я.

– Обычная порция, – отмахнулся дедушка, не переставая хлопотать. – Зато наешься по-человечески. Мать-то, поди, не особо часто балует чем-то вкусным.

Тихонько вздохнув, я ближе подвинулась к столу, стараясь не потревожить Палитру, которая продолжала проваливаться в дремоту на моих ногах.

– Будто ты сам не знаешь, – скрывая грусть в голосе, ответила я. – Тут вопрос, скорее, в том, кто кого балует больше.

Аппетит у меня действительно разыгрался не на шутку. Взяв в руку ложку, я принялась с энтузиазмом уплетать рагу. Дедушка поставил рядом со мной чашку с чаем, от которого божественно пахло лесными ягодами. Стоит ли говорить, что дедушка хорошо знаком со всеми моими вкусовыми предпочтениями? Пожалуй, это слишком очевидно.

– Хорошо, – попыталась переубедить себя я. – Может быть, я и осилю эту порцию. Хотя она точно рассчитана на двоих, ведь так? Ты же и себе и мне положил?

– Не болтай с набитым ртом, – мягко подметил дедуля. – Нет, это только тебе. Я уже поел недавно.

– Ты меня совсем не щадишь. Ой, я же руки забыла помыть!

Дедушка все это время неотрывно смотрел на меня:

– Один раз не страшно. Как мать в принципе поживает? Поди, как всегда пребывает в своем скверном расположении духа?

– Само собой, – ответила я в промежутке между жеванием.

– Феоктиста не меняется, – поводит плечами дедуля. – Угораздило же такой характер в себе воспитать.

– Все нормально, – отмахнулась я. – Не первый год с ней и ее «самобытным» характером знакома. Уже выучила, как нужно правильно уживаться.

– Давненько она не звонила и не приходила, – задумчиво пробормотал он.

Я лишь развела руками в ответ. А что тут скажешь? В этом вся мама. Какого-то внимания от нее хрен допросишься. Мне иногда кажется, что в нашей семье как раз она исполняет роль дочери. Непослушной, хулиганистой дочери, про поступки которой мне периодически приходится выслушивать от дедушки.

– Мама не меняется, – вторила я словам деда.

– Не знаю, может я ее обидел чем-то, – раздосадовано произнес дедушка. – Что это такое на нее нашло?

– Она сейчас работает много, – ловко соврала я, чтобы не расстраивать его. – Часто допоздна задерживается. Ты вот сказал про то, что она нечасто балует меня вкусной едой, но по правде, дома чаще готовлю я.

Вторая часть того, что я сказала, была правдой.

Дедушка удивленно вскинул брови и посмотрел на меня.

– Серьезно тебе говорю. Я сама часто готовлю и обед и ужин.

– И как она на это реагирует? – любопытствовал он.

– Если ты думаешь, что она говорит мне что-то типа «спасибо» или «как вкусно», то ты ошибаешься, – процедила я. – Ест – и на том спасибо. Для меня это равноценно тому, как если бы она меня за это отдельно поблагодарила.

Для дедули словно открылись ворота в другой мир. Он продолжал безмолвно таращиться на меня, изредка хлопая ресницами. Я почувствовала, что он хотел что-то сказать. Может быть, в мое утешение, или хотел возразить что-то, но так и не смог подобрать слов.

– Жизнь идет своим чередом, – поспешила я успокоить дедушку. – Не забивай себе голову плохими мыслями.

Дедушка рассеянно поводит пальцами по столу, после чего вновь взглянул на меня.

– Как дела в школе? – решил перевести тему он.

– Все как обычно, – пожалала плечами я. – Особо не рвусь к школьным знаниям, но до двоек пока еще не докатилась.

Кухня наполнилась его звонким смехом:

– Вот что-что, а чувство юмора у тебя всегда было отменное! Как начала расти юмористкой, так и продолжила!

Положив очередную ложку в рот, я самодовольно кивнула.

– Учусь у хороших учителей, – протараторила я, закончив жевать.

– Скажешь тоже, – ответил улыбающийся дед, махнув рукой.

– Честное слово, – запротестовала я. – Чувство юмора передается на генетическом уровне.

Не переставая радоваться, дедуля медленно встал и подошел к холодильнику. Он открыл дверцу и с задумчивым видом заглянул внутрь.

– Еще не познакомилась с каким-нибудь мальчиком? – внезапно громко спросил он прямо из холодильника.

Дедушкин вопрос поверг меня в шок своей неожиданностью. Я чуть ложку не выронила.

Это что, заразно? Весеннее обострение? Почему все так резко озаботились моей личной жизнью? Я еще могу понять, почему Катя про это спрашивала, но дедушка? Мы с ним на подобные темы и не разговаривали-то никогда.

– Нет, – нервно сглотнув, проямлила я. – А к чему такой вопрос?

– Что в этом такого? – возмутился дедушка, достав из холодильника коробку с вишневым соком. – Все-таки юность, такой возраст...

– Какой? – устало поинтересовалась я.

– Когда молодые люди знакомятся друг с другом, – отчеканил дедуля. – Может, есть у тебя там мальчик, какой-никакой, а ты и не рассказываешь старику. Одноклассник, например.

Я положила ложку обратно в «тазик» и сурово взглянула на деда:

– Во-первых, если бы у меня был, как ты говоришь, «какой-никакой мальчик», я бы тебе первому про это рассказала. Кому мне еще про это рассказывать? Маме? Чтобы она меня похоронила заживо? Я пока еще не тронулась умом, чтобы так делать. Она же после этого мне на могилу даже цветов не принесет.

Дедушка сделал глоток сока и согласно кивнул.

– А во-вторых, почему все мое окружение внезапно решило, что мне пора замуж? Я только вчера слышала эти самые слова в свой адрес. Мне шестнадцать! Я что, по статистике уже опоздала с первыми отношениями?

Я демонстративно закрыла лицо руками, изображая отчаяние, чуть не напугав проснувшуюся Палитру. Сонная кошка одарила меня несколькими вопросительными взглядами, после чего провалилась обратно в царство Морфея.

– Упаси господь, Яна, – поперхнулся соком дедушка. – Про замуж и слова не сказал.

– Сойдемся на том, – нехотя откликнулась я. – Что если у меня появится «какой-никакой мальчик», я сразу же пове-

даю тебе об этом.

– Идет, – удовлетворенно согласился дед. – Я ведь знаю, что ты у меня уже взрослая. Детская инфантильность тебе давно не присуща. Сама знаешь, как будет лучше.

Дедуля прекрасно понимает, что ему совершенно не о чем беспокоиться. У его драгоценной внучки уже давно имеется своя голова на плечах.

– Да и потом, – продолжала констатировать я. – Какие еще одноклассники? Ты их видел? Они же практически все на голову больные.

– За что ты их так чихвостишь? – хихикнул дедушка.

– А что, разве не так? – вспыхнула я. – Постоянно носятся, все время что-то кричат, всем грубят, все ломают. В медицинском справочнике пора учредить новый диагноз – «мальчик, шестнадцать лет». Для них даже само слово *парень* – офигеть, какой комплимент. Мальчишки это еще, самые настоящие.

– С этим соглашусь, – пожал плечами дедушка.

– Тупые они как пробки в этом возрасте. Поголовно.

Для убедительности я постучала костяшками пальцев о деревянный стул, на котором сидела.

– Относись к этому проще, милая, – улыбнулся дед. – В их возрасте я вел себя абсолютно также. Будучи дворовыми пацанами, чего мы только не творили.

– Серьезно? – скептически подняла бровь я. – Что-то слабо верится.

– Ей-богу творили! – весело воскликнул дедушка. – Поджигали траву по весне, чуть ли не до больших пожаров, лазали по заброшенным стройкам, кидались с крыш всякой всячиной в прохожих, звонили в двери и убегали. Много разных забав придумывали, сейчас уже так и не вспомнить.

Подобрав с пола свою челюсть, я уставилась на дедушку. Кое-что из перечисленного им списка «подвигов» было немного знакомо и мне, но говорить об этом вслух я не стала. А что, если такая неожиданная информация его расстроит? Как-нибудь в другой раз обескуражу его, в более подходящий момент. Лет так через пять.

– Такое я не ожидала услышать.

Дедушка лукаво прищурился и рассмеялся:

– А ты думала, я рос типичным ботаником? Что все детство провел дома за учебниками?

Я задумалась. Оказывается, я знала далеко не все об этом хитреце.

– Ну, на счет ботаника я не думала. Но уж никак не могла предположить, что ты пускался... В такие авантюры.

Скрестив руки на груди, дед самодовольно усмехнулся:

– Хех, вот так-то.

– Умеешь ты удивить, дедуля, – изумленно изрекла я.

Несколько минут спустя я отодвинула от себя пустую тарелку. Вот это я дала маху, конечно. Сама не знаю, где нашла в себе столько сил, несмотря на голод.

Зато дедушка просиял:

– Ну вот, а ты боялась.

– Если бы я всегда питалась такими порциями, – поморщилась я, положив руки на свой бедный живот. – Я бы уже доросла до размеров пассажирского вагона.

У дедушки в гостях я провела еще около часа. За это время мы обсудили все события, произошедшие за несколько недель. Дедуля такой человек, который умеет с энтузиазмом вовлечь в разговор. Всегда поражалась этому его навыку. Я вроде бы, общаюсь с ним невзначай, как бы между делом, а потом хлоп – сама не замечаю, как проходит больше часа. Мне кажется, он в разговоре с любым человеком сможет найти общие темы.

Перед уходом я еще немножко поиграла с Палитрой. Хотя, как сказать поиграла... Если бы не сытный дедушкин ужин, который не хило так меня разморил, я бы смогла найти в себе больше азарта для игр. Единственное, на что мне теперь хватило сил, это несколько раз затискать любимую кошку в объятиях, пощекотать ее и почесать пузико. Довольная Палитра перевернулась на спину и стала перекатываться с боку на бок, заполонив собой почти все пространство дивана, на котором мы с ней расположились.

– Ты моя самая любимая неугомная девочка, – кокетничала с Палитрой я.

Чмокнув ее в лоб на прощание, я пошла одеваться. На часах уже нащелкало восемь вечера, нужно было выдвигаться домой. Я еще хотела немного расслабиться и отдохнуть

перед новой учебной неделей. По возможности, полежать в горячей ванне, вобрать в себя ее приятное тепло. Также, не помешало бы выпить чашку горячего какао. Я уже говорила, что устала от этих, нетипичных для мая холодов, да? Так вот еще раз говорю!

Я полностью утеплилась и теперь стояла у входной двери, закидывая ремешок своей сумки на плечо.

– Позвони мне, как домой доберешься, – сказал дедушка, проходя через коридор в прихожую.

– Хорошо, обязательно, – задумчиво кивнула я. – Знаешь, у меня такое ощущение, что я что-то забыла.

– Ты еще не добралась до дома, милая, – лукаво кивнул он. – Не переживай.

– Я серьезно, – улыбнулась я. – Такое чувство, что я забыла что-то сделать. Что-то важное.

Дедушка пожал плечами:

– Ничего страшного, у меня такое тоже бывает. Скоро оно само вспомнится.

Я помолчала, а потом нерешительно ответила:

– Ну да, ты прав.

В класс я влетела уже после звонка. Боже, какие чудовища придумали ставить первым уроком в понедельник физику? Мой полусонный мозг в обычное-то время не готов погружаться в эти неизведанные джунгли, а так рано тем более. Куда можно пожаловаться за жестокое обращение с детьми?

Я еще и чуть не проспала, к тому же. Подскочила с кровати на двадцать пять минут позже, чем обычно! Наверное, выключила оба будильника и прислонилась обратно к подушке, что стало роковой ошибкой. Хорошо еще, что вообще проснулась. Впоследствии пришлось носиться по квартире как ужаленному осой поросенку. И это притом, что я всегда просыпаюсь с приличным запасом времени. У меня просто такая привычка, мне так удобно. Люблю, когда можно спокойно позавтракать, принять душ, накраситься и неспешно выйти. Сегодня утром передо мной пал жестокий выбор: чем же пожертвовать. Скрепя сердце, я сознательно остановилась на варианте не мыть голову. Ничего страшного не случится, если я один раз приду в школу с дулькой. С каждым ведь такое бывает. Лучше уж я приду с невымытыми волосами, чем голодная и без макияжа.

К счастью, учитель тоже задерживался. Облегченно вздохнув, я прошла к своей парте. С начала учебного года я сидела за четвертой партой, на ряду у стены. Место, на самом деле, вполне козырное, особенно когда есть необходимость что-то списать. Но весь парадокс рассадки заключался не в этом.

В нашей школе действовало одно очень странное правило, которое распространялось на все старшее крыло. Дело в том, что в первый учебный день все классы получали детальную расстановку от своего классного руководителя, кто и где будет сидеть весь год. Ни в одной другой школе я про такие

нелепые уставы не слышала. Нет, я знаю, что везде учеников рассаживают учителя, но если там кто-то вдруг пересекает, никакой трагедии не случится. Ха, только не у нас! Одними спорами и возмущениями дело не кончится. Виновника, который нарушит этот единый для всех закон, ждет неминуемый вызов родителей в школу. И это еще в лучшем случае. В худшем же – докладная директору, к которому будет приглашен и сам виновник, и вышеупомянутые родители. Поверьте на слово, я своими глазами видела эти жуткие прецеденты. Поэтому почти никто не рискует и сидит там, куда его посадили. Лишние проблемы никому не нужны. Однако, мне, чаще всего, достается вполне сносное место. Плюс, мне не принципиально с кем сидеть, так что я предпочитаю помалкивать на этот счет.

– Ты проспала? – вместо приветствия удивленно поинтересовалась Маша, моя соседка по парте. – Выглядишь неважно.

Я нахмурила брови. Так приятно с самого утра получать комплименты.

– Нет, просто не хотела приходить. Тянула с выходом до последнего как могла.

Маша по-прежнему смотрела на меня с изумлением. Похоже, шутку она не поняла.

– Ну что ты так смотришь, – улыбнулась я. – Да, проспала. Ничего толком сделать не успела. Надела на себя первое, что вывалилось из шкафа.

На самом деле, я даже рада, что в этом году сижу за одной партой с Машей. Она одна из немногих людей в нашем классе, кому знакомо понятие адекватность. Пять предыдущих лет на соседей мне везло гораздо меньше. Попадались либо ботаники, либо наоборот непроходимые тупицы, либо кто-то из нашей мальчишеской гоп-компании, которой постоянно сходят с рук все их выходки.

Не могу сказать, что мы как-то очень близко сдружились. Мы не подруги. По крайней мере, с моей точки зрения и, думаю, это взаимно. Я бы сказала, что мы как хорошие знакомые, только при этом одноклассницы. В школе мы временами о чем-то болтаем, при необходимости приходим на помощь друг другу, но вот вне школы мы почти не контактируем. Переписка не в счет. За целый учебный год мы всего лишь несколько раз просто гуляли и два раза ходили в кино. Согласитесь, этого маловато, чтобы возводить человека в ранг подруги. Тем не менее, Маша классная.

Через секунду после моего ответа Маше в класс вошел Сергей Викторович – учитель физики в нашей школе. Худощавый и высокий мужчина в очках, с длинным носом и черными прилизанными волосами. «Благодаря» славным мальчикам нашего класса, у Сергея Викторовича появилось колоритное прозвище Антуан, которое прочно закрепилось за ним по всей школе. И смех и грех, я его слышала даже от некоторых учителей.

Почему Антуан? Во-первых, его фамилия Антонов. А во-

вторых, едва заметные очки в полуободковой оправе будто бы обрамляют весь образ Сергея Викторовича, и делают его очень похожим на критика из мультфильма «Рататуй» – Антуана Эго. Учитель прекрасно знает об этом прозвище, но до сих пор ни разу не заикнулся на этот счет. Может быть, оно ему самому нравится.

Все автоматически встали, приветствуя вошедшего учителя.

– Доброе утро, класс, – сухо поздоровался Антуан, входя в кабинет. – Садитесь.

Я села и моментально почувяла неладное. Интуиция нашептывала мне, что близилось что-то нехорошее. Да я и сама это чувствовала. Позвоночником или левой пяткой – не знаю чем, но чувствовала, так как утро с самого начала не задалось.

Спустя минуту голос учителя прогремел для меня как гром среди ясного неба:

– Кто пойдет к доске отвечать параграф?

За мгновение с меня стекло несколько литров пота.

– Что еще за параграф? – сипло прошептала я, повернувшись к Маше.

– Двадцать четвертый, про законы Ньютона, – тоже шепотом отозвалась Маша. – Антуан же задавал на выходные выучить его.

Все мое тело словно прошибло током.

Вот что. Вот то самое, что я забыла сделать вчера!

– Какой кошмар, – тихо простонала я, уронив голову на руки. – У меня совсем вылетело это из головы!

– Да ладно, не парься, – отмахнулась Маша. – Может, тебя еще и не спросят.

Как же! У меня до слез мало оценок по физике. Скорее всего, меньше, чем у всех остальных. Последний раз я выходила отвечать к доске около месяца назад. А через три недели конец года...

– *Все кончено*, – поймала себя на мысли я. – *В самом финале испорчу себе четвертную оценку, а вместе с ней и годовую. Мама меня явно за это по головке не погладит.*

Физика – мой самый страшный враг среди всех учебных дисциплин. В первую и вторую четверти я схлопотала привычные для себя тройки, в третью – еле-еле приползла к четверке. В основном, посредством умелого списывания. Сейчас я нахожусь в подвешенном состоянии между тройкой и четверкой. Если я за год получу по физике тройбан, это будет самая настоящая катастрофа. Потому что он будет единственным! Это первый год за все время старшей школы, когда остальные предметы я умудрилась вытащить на четыре и пять. За исключением физики, это оказалось не так уж и сложно, кстати. Все предыдущие учебные года я закрывала с двумя-тремя тройками, и мне было абсолютно фиолетово на это. Тогда-то я все равно ни на что не претендовала.

Но не теперь! Во-первых, мне самой будет жечь как обидно. А самая главная печаль заключается в том, что все лето

придется выслушивать от мамы ее тирады о том, что я опять не смогла довести дело до конца.

– Что, никто не хочет? Неужели никому не надо исправить оценку? – прервал поток моих печальных рассуждений голос Сергея Викторовича. – Ладно. Тогда пойдем по журналу. Кто у нас давно не отвечал...

Я заерзала на стуле как на иголках и стала вспоминать слова хотя бы одной молитвы притом, что не знала ни одной изначально.

глава третья

Учитель методично водил колпачком от ручки по нашему классному журналу, перемещаясь по колонке фамилий от одной к другой.

– Точно добровольцев нет? – не сдавался он. – Даю последний шанс.

Во всем кабинете воцарилась необыкновенная тишина. Удивительно, что между рядов не проносилось перекаати-поле.

Я сидела, ни жива, ни мертва. Всеми силами я пыталась сделать вид, что меня здесь нет, что мое присутствие на уроке – оптическая иллюзия. На самом деле я заболела, и в это время валялась в своей постели с температурой под сорок и больным горлом. Ну, какая же тут школа, в таком положении? Какая еще физика, если я даже из комнаты выползти не могу?

Самовнушение оказалось настолько мощным, что на миг я и сама поверила в этот бред.

– И отвечать пойдет... – медленно протянул Антуан, подперев щеку кулаком.

Сердце стало бешено ускорять свой ход, доступ к кислороду внезапно прекратился. Приступ панической атаки находился в самом эпицентре. Такие жесткие эксперименты над организмом не входили в мои сегодняшние планы.

– *Сейчас умру*, – пролетела в голове отчетливая мысль.

– Алфимов! – заключил учитель.

Я вздрогнула.

Неужели пронесло? Боже, не могу в это поверить! Видимо, есть еще частичка справедливости в этом мире.

– Вот видишь! – обрадовалась Маша. – Я же говорила, что обойдется.

– Живем дальше... – прерывисто выдохнула я.

На секунду в классе вновь воцарилось угнетающее молчание. Никто ничего не говорил, не вставал и не шел к доске. Отсутствовало какое-либо движение.

Я судорожно скосила глаза на четвертую парту ряда у окна, туда, где сидел Юра Алфимов. Стул тоскливо пустовал без своего хозяина. На самой парте я не обнаружила ни тетради, ни учебника. Ни одного признака присутствия Юры на уроке или в школе. Ровным счетом ничего. То же самое находилось в тот момент в моем сердце по вопросу веры в чудо. Рано мы с Машей забили в колокол триумфа.

– Он заболел! – громко проговорил кто-то на весь класс.

Серьезно?! Ах, ты осел уродливый! Вот именно в этот день тебе срочно понадобилось заболеть? Какой безответственный поступок. Таким ужасным человеком быть просто фу!

У меня заложило уши, а в висках сильно застучало. Я даже не смогла по голосу различить, кто именно из одноклассников это сказал. Да и какая теперь разница.

– А может, и не живем, – стеклянно произнесла я, практически не слыша себя.

– Вот как? – риторически поинтересовался Антуан. – Ну что же, тогда едем дальше.

Еще немного, и у меня начнутся конвульсии. Уверена, что Маша чувствовала мой страх и сама впитывала его, как тепло от разгоревшегося камина. Хотя, ей-то переживать не о чем. У нее по физике уже выходит стабильная тройка, которая ее полностью устраивает. Как же я ей завидую... Жизнь становится такой легкой штукой, когда тебе все равно.

Раньше и я такой была. Чтобы я еще хоть раз вырывалась в хорошистки? Да ни за что!

– Павлова, – разнесся по кабинету глуховатый голос учителя.

Вот бомба и взорвалась.

– Нет же, – тихо застонала я, поднимаясь со своего места. – Нет!

Увидев, что в отличие от первого претендента на выход к доске, второй имелся в наличии, Антуан деловито обратился ко мне:

– Яна, ты готова отвечать?

Не давая отчет своим действиям, я, для чего-то, кивнула.

– Хорошо, – удовлетворился он. – Тогда выходи к доске.

Я находилась в некой прострации. В критических ситуациях я частенько теряюсь. Вместо того чтобы спросить разрешения у учителя на ответ с места, я пошла к доске! Ре-

ально, пошла! Ну не дура ли? Это притом, что Антуан вполне мог разрешить. У парты мне хотя бы Маша могла что-то нашептать, чтобы я на жалкую тройку ответила. Четвертая парта, все-таки, не первая. Теперь же мне оставалось только встать перед всем классом и с быстротою молнии сесть в лужу!

Я как начала «лажать», так лажать и продолжила. Зря согласилась отвечать, зря я при этом потащила к доске, зря я сегодня пришла в школу, зря я вообще родилась на этот свет!

– *Лишь бы дойти*, – туманной пеленой промелькнуло у меня в голове.

Вам знакомо чувство, когда земля под ногами стремительно исчезает, а в глазах начинает рябить от слишком быстро сменяющихся кадров? Что-то подобное я сейчас и испытывала, помноженное на понимание, что я абсолютно ничего не знаю о том, о чем иду вещать на весь класс. Я ведь даже не открывала этот параграф.

Кое-как, не дыша, я приковыляла к доске. Правда, уже подходя к кафедре, мне пришлось два раза за нее схватиться, поскольку ногами я почти не владела.

– Итак, Яна, – тяжело вздохнул Антуан, не обращая внимания на мое нетипичное состояние. – Расскажи нам, пожалуйста, про принцип суперпозиции тел.

– *Про что?* – чуть не вырвалось у меня.

Я беспомощно уставилась на Машу. Сама не знаю, какой магии я от нее ждала. Объяснить *такое* на пальцах невоз-

можно.

Но она, все-таки, попыталась. Маша подалась всем корпусом влево, оказавшись в проходе между партами для лучшего обзора, после чего энергично продемонстрировала свой бицепс.

– Э-э-э... Сила, – чопорно начала я.

– Ага, сила, – подключился учитель, быстро осознав, насколько дело плохо. – Что такое сила?

Мой взгляд вновь незаметно устремился к Маше. Та спешно изобразила ладонью движение вверх. Поразительно, но пока что я понимала ее язык жестов.

– Вектор, – ответила я, пытаясь скрыть неуверенность в голосе.

– Правильно, – слегка оживился Антуан. – Вектор, величина которого создает что?

Но на этот раз Маша стала показывать совсем что-то нелогичное. Сначала она сцепила пальцы обеих рук, затем зафиксировала в воздухе руку ладонью вниз, и стала водить ею вверх-вниз. Окей, допустим, вторая часть этой увлекательной пантомимы говорила о мере, типа больше или меньше, но о чем говорила первая? Не быть Машке сурдопереводчиком, эх, не быть. Или это, все-таки, до меня не доходит?

– Говорит о мере сцепления тел, – окончательно сдалась я.

– Сойдет, – уныло пробормотал Антуан. – Только не сцепления, а взаимодействия. Какими свойствами характеризуется сила? Сразу даю подсказку: их три.

Я вновь вылупилась на свою спасительницу. Машка повторила свое крайнее действие с «больше-меньше».

– Величина, – пискнула я.

– Так. Еще два.

Маша вновь провела вертикально поставленной ладонью вверх.

– Вектор, – затупила я.

– Направление, – цокнул языком Антуан. – Понятие не определяется через само себя. Так. Какое третье свойство?

Машка в третий раз провела ладонью вверх, изображая направление. Только теперь она поставила воображаемую точку, исходящую из начала этого вектора.

– Начало вектора? – скривив губы, спросила я.

Сергей Викторович испустил тяжелый вздох и чуть ли не лег на свой стол.

– С тобой каши не сваришь, Павлова, – покачал головой он. – Тройку, в принципе, можно было бы поставить. Вот только мне вам с Климентьевой обеим по оценке ставить? Все-таки, вклад в ответ общий. Если так, то по полтора балла получается.

Мы с Машкой обе так и вспыхнули.

– Я сама отвечала, – возмутилась я. – Не подсказывал мне никто!

Сергей Викторович снял очки и стал неспешно массировать переносицу.

– Яна, я, может быть, и ношу очки, но пока еще не совсем

ослеп. Ты думаешь, эти забавные сценки, которые разыгрывала Мария, прошли мимо меня?

– Ничего я не разыгрывала! – запротестовала Машка.

От неловкости сложившейся ситуации мне хотелось провалиться сквозь землю. По кабинету начали раздаваться едкие смешки одноклассников.

Учитель вернул очки на свое законное место, после чего строго оглядел меня с ног до головы.

– Так, ладно, – снова заговорил он. – Даю тебе последний шанс на реабилитацию. Я задам тебе еще один вопрос. Ответишь на него – поставлю удовлетворительную оценку. Только без вот этих ваших выкрутасов.

Сама того не желая, я стала создательницей немой паузы. А что тут ответить? Как будто у меня был выбор.

Антуан вальяжно откинулся на стуле, слегка запрокинув голову назад.

– Будь добра, дай нам определение какого-нибудь из законов Ньютона. Скажем, третьего, – произнес он, с вызовом глядя на меня.

Боковым зрением я увидела, как Машка снова пыталась мне что-то подсказать. Но я уже на нее не смотрела. В тот момент все мое естество ухнуло куда-то в область желудка, и я поняла, что проиграла эту битву. Легче просто с достоинством принять выбор капитуляции. В конце концов, такой исход считывался с самого начала. Это на общественном или литературном уровне я бы еще могла без проблем наболтать

на четверку (может, и на пятерку), совершенно не владея темой, но не на физике. Тут что с подсказками, что по наитию, я не способна даже на три что-то из себя выдать.

Гори она в аду, эта физика!

– Нет, – промямлила я, стараясь не всхлипывать. – Не знаю.

– В таком случае, мне очень жаль, Яна, – пожал плечами учитель. – Но твоя оценка – два.

Внутри меня что-то надломилось. Я набрала полные легкие воздуха в попытке смириться с тем, что только что произошло. Слово «два» еще несколько секунд отдавалось эхом в моей голове.

На обеденном перерыве мы с Машей отправились в столовую. В прескверном расположении духа я купила себе чай, и с горя бахнула туда сразу четыре ложки сахара. Мне хотелось хоть как-то приободрить себя, но я не знала как. Вернее, не находила никаких факторов, которые могли как-то поднять мне настроение.

И почему за все эти годы в школьном меню так и не появился кофе? Вот его бы я выпила сейчас кружки три. Все сегодня против меня, даже столовая!

Громко поставив стакан с чаем на стол, и чуть не расплескав его, я села напротив Машки. Та без особого энтузиазма ковырялась вилкой в тарелке со слипшимися макаронами и едва теплой котлетой. Я лишь грустным взглядом обвела

бесформенное содержимое – из-за нестабильного самочувствия аппетита у меня не было от слова совсем.

В глазах Маши я прочитала сочувствие:

– Ты бы поела что-нибудь. Еще четыре урока тут торчат.

– Не могу, – простонала я. – Чувствую, что если съем что-нибудь – как бы оно обратно не полезло.

– Что теперь будешь с физикой делать? – робко спросила она.

– Пока не знаю, – коротко отозвалась я, массируя пульсирующие виски.

После урока физики у меня начался жуткий приступ головной боли, которая до сих пор не проходила. Две таблетки анальгина, съеденные мной на перемене, тоже оказались бессильны. Я уже чуть ли не на стену готова была залезть от этих адских мук!

– А тебе так принципиально нужно исправить эту оценку? – немного удивилась Маша.

– Да! – выпалила я. – Я первый раз так близко подобралась к возможности закончить год без троек. И под конец сама же с этим напортачила!

Объяснять Машке положение дел со всех ракурсов я не стала. К чему ей информация о маме и ее однозначной реакции на единственную тройку у меня в дневнике. Частично я ей рассказывала о маме и о повышенном (хотя, скорее пониженном) градусе нашего общения, но далеко не все.

Наверняка Машка и сама понимала, для чего мне это бы-

ло так необходимо.

– Дело дрянь, шеф, – изрекла она, делая глубокий выдох. – Тут надо думать.

Маша задумчиво отвернулась к окну. По ее прищуренному взгляду и бегающим из стороны в сторону зрачкам я поняла, что она производила в голове какие-то подсчеты. Я прямо-таки видела, как крутились шестеренки в ее голове.

Спустя пару минут Машка закончила свой внутренний анализ и сосредоточенно произнесла:

– Мне кажется, есть только один доступный вариант, как можно избавиться от этой проблемы.

Так как в чудеса я перестала верить полтора часа назад, отозвалась я не сразу:

– Какой?

Маша тут же приступила к конструктивному изложению своих мыслей:

– Ну, смотри. Все мы знаем, что Антуан принципиально не разрешает никому приходить и исправлять оценки вне уроков. Ни при каких обстоятельствах.

– Знаем, – крякнула от досады я.

– Получается, что до конца четверти остается всего лишь три урока, на которых можно что-то сделать. Один на этой неделе и два на следующей.

– Это практически ноль!

– С одной стороны да, но не все так плохо, – обстоятельно продолжала она. – Ближайший урок в четверг сразу же вы-

черкиваем, так как на нем будем проходить новую и последнюю в этом году тему. Там возможности исправить оценку не будет.

– Еще лучше, – уронила голову я на согнутый локоть. – Остается два урока.

– Урок в следующий четверг тоже мимо кассы. Это слишком поздно. К тому времени четвертные оценки будут представлены.

Я хмуро посмотрела на нее:

– Ты меня добить решила? Хоть один-то шанс у меня есть?

– В следующий понедельник будет годовая контрольная... – многозначительно произнесла Маша.

Теперь пришел черед активизироваться серому веществу в моей голове. До меня стало доходить, на что намекала Маша.

– Единственный выход, который я сейчас вижу, – заканчивала она свое изречение. – Тебе нужно хорошенько подготовиться к этой контрольной, чтобы получить за нее пять. Изю всех сил нужно, потому что после сегодняшней двойки четверка ничего улучшить уже не сможет.

– Ты с ума сошла, – расстроено покачала головой я. – Да мне никогда в жизни не написать контрольную на пять! Вот если бы можно было списать – тогда да. Но ведь этот столб фонарный всегда сам составляет задачи для годовых контрольных, так что не прокатит.

– Пойми, других способов нет, – критично подметила Маша.

– Какой кошмар! – обреченно простонала я, рухнув всем корпусом на деревянный стол.

– Да не убивайся ты так, – с грустью посмотрела на меня Машка. – Все еще вполне реально исправить.

Последние частички рационального зерна в моей голове соглашались с ее словами. Но решительно переубедить себя целиком никак не получалось.

Меня поглотила растерянность. И как я должна проверить эту аферу? Я же в проклятущей физике вообще ни бумбум! За предыдущие годы у меня ни разу так и не вышло годовой четверки. Что говорить, если я почти никогда не вспоминаю о том, что перед тем, как поменять перегоревшую лампочку, нужно убедиться, что тумблер находится в положении «выключен». А уж во всех этих механизмах, импульсах, законах и прочей чепухе я ровно так же хороша, как корова в вождении автобуса.

Мысленно я пыталась подобрать слова для описания степени отчаяния, но у меня выходила лишь несусветная чушь. Ну и угораздило же меня так обделаться напоследок.

В самом мрачном настроении я вернулась после школы домой. Не успела я точным прицелом прямо с порога забросить свою сумку на банкетку, к своему неудовольствию мне пришлось стремительно вспомнить, что мама сегодня оби-

тала дома. Собираясь в спешке утром, я на это не обратила внимание. Собственно, необходимости заходить в прихожую, которая одновременно с этим являлась комнатой мамы, у меня не было.

Теперь же она в свой законный выходной увлеченно смотрела ток-шоу по телевизору.

Я картинно закатила глаза. Никакой разницы в этих передачах для домохозяек я не находила. Словно ты смотришь одно бесконечное шоу, которому нет ни конца, ни края. Про отсутствие хотя бы капельки смысловой нагрузки я вообще молчу.

Особо долго задерживаться в коридоре я не стала. Желания контактировать с мамой у меня имелось едва ли больше ноля процентов. Хотя, по ее ленивому повороту головы стало очевидно, что она заметила мое появление дома.

Первое, что я сделала в своей комнате – вымученно плюнулась на кровать. Прямо в том, в чем ходила в школу. Мне хотелось пару минут полежать и отдохнуть. Помечтать о чем-то добром и хорошем.

Черт возьми, кого я обманываю? В тот момент моим единственным желанием было раствориться. Исчезнуть с лица земли безвозвратно. Просто я предчувствовала мощнейший шторм и скорость, с которой он приближался.

В животе приглушенно заурчало. Я ведь так ничего и не поела в школе. Ладно, потихоньку пробегу в кухню, приготовлю себе бутерброд с чаем и быстро вернусь в комнату.

Разумеется, мое мысленное желание повременить с беседами оказалось послано госпожой кармой куда подальше. Удача покинула меня во всех жизненных аспектах. Угадайте, кто оказался на кухне ровно через одну минуту после того, как туда зашла я и нажала на кнопку чайника.

– Что новенького в школе? – участливо полюбопытствовала мама.

Когда я услышала ее голос, все тело вмиг напряглось.

– Ничего, – с неумело сыгранным спокойствием пожала плечами я.

Мама величественным шагом прошла к угловому дивану, стоящему у нас в кухне, и неспешно на него села. Я продолжала нарезать себе хлеб с колбасой, стоя к маме спиной.

– По оценочкам как дела? Получила сегодня что-нибудь? – с теплом в голосе спросила она.

Я четко уловила фальшь в интонации.

– Пятерку по русскому, – пробурчала я. – Писали изложение по «Бесприданнице» Островского.

– Надо же, какая молодец у меня дочка! – радостно всплеснула руками мама. – Такая умная! А еще что получила?

К чему она клонит? Она уже давным-давно со мной так не заискивала.

– Да вроде, больше ничего, – за какой-то надобностью соврала я.

Я не была готова к такому вопросу, поэтому ответила пер-

вое, что пришло в голову. Как и говорила, в спорных ситуациях я частенько принимаю неправильное решение.

– Прямо-таки совсем-совсем ничего? – продолжала лебезить мама, ни на секунду не снимая притворную улыбку с лица.

Тут я уже сама не выдержала.

– Мам, ты на что-то намекаешь? – сухо спросила я, повернувшись к ней.

Мама продолжала смотреть на меня с неестественной улыбкой. Может, мне почудилось, но она даже не моргала. Ее лицо как будто безвременно застыло в мраморе.

– Я не намекаю, а прямым текстом говорю, – щебетала она, чуть склонив голову набок. – Моя дочь – лгунья.

Я тяжело вздохнула и рассеянно перевела взгляд в сторону. Мама становилась невыносимей с каждым днем. Каким образом мы с ней должны сближаться, если она постоянно играет какую-то роль? Знаешь ты что-то, или что-то тебя интересует – спроси об этом прямо. Для чего вот эти окольные пути каждый раз? И себе и мне нервы только треплет.

Мама самодовольно скрестила руки на груди:

– Я, конечно, предполагала, что ты невысокого мнения обо мне, но не думала, что настолько.

– О чем ты говоришь? – смешалась я.

– Яна, надо быть полной дурой, чтобы врать матери про оценки. У вас в школе существуют и электронные дневники тоже, или ты забыла об этом?

– А на кой черт ты тогда вообще спрашивала... – сердито подумала я.

Надо же! С чего вдруг ей понадобилось изучить мой электронный дневник? Сто лет в него не заглядывала, но сегодня ей приспичило полюбопытствовать! И почему я не удивлена? Меня кто-то проклял что ли?

– Нет, мам, я помню, – попыталась оправдаться я. – Просто я...

– Просто ты что?! – резко перебила меня мама. – Просто ты мать свою ни в грош не ставишь. Скажи еще, что я неправда.

Я почувствовала, как к глазам подступили слезы. Обычно я стойко переношу все нападки мамы, но сейчас все моральные силы меня покинули. За сегодняшний день я и так уже настрадалась.

– Ну, расскажи мне, что у тебя там произошло сегодня на физике? – не унималась мама со своими дурацкими расспросами.

– Я просто забыла выучить параграф, – дрожащим голосом ответила я.

– Вот только не надо мне тут сопли распускать, – презрительно фыркнула она. – Какая прелесть! Она забыла!

Так, самое страшное позади – о двойке она узнала. Можно и отдышаться чуть-чуть. Вот только я уже настолько раскисла, что мне едва удавалось держать себя в руках.

– Это же не конец света! – выпалила я, о чем, впослед-

ствии, пожалела.

Мама тут же вскочила с дивана. Ее и без того красное лицо стало пунцовым от резкого притока крови. Я морально подготовилась к тому, что сейчас по всей кухне пронесется ее истошный вопль.

– Милая моя! – задохнулась от возмущения мама, подтвердив мои ожидания. – У тебя одна единственная задача – учиться! Ты не обременена ни работой, ни кружками и секциями. Так чем же ты так сильно была занята, что забыла выучить параграф? Скажи мне на милость.

– Ничем... – проямлила я. – Я просто забыла его выучить.

Второй раз я уточнила это уже почти шепотом.

– Как ты собираешься исправлять эту двойку? – строго спросила мама. – До конца года времени осталось с гулькин нос.

От ее прежней, пусть и фальшивой улыбки и след простыл.

А я лишь беспомощно стояла и смотрела себе под ноги, не в состоянии подобрать слов для ответа. Давненько меня так не размазывали об стену.

– Мне теперь что, каждый раз проверять у тебя наличие сделанного домашнего задания? – продолжала кипятиться мама. – Ты когда-нибудь повзрослеешь, в конце-то концов? Взрослая девица, уже меня переросла, а мозгов так и не появилось. Весело, наверное, закончить учебный год с одной

единственной тройкой. Как говорится, не жили богато, нечего и начинать. Да, Ян?

В чем-то она была права.

– Я все исправлю. Обещаю, – пропищала я, не в состоянии поднять на нее глаза.

Мама расхаживала гигантскими шагами по кухне со свирепым выражением лица. Щеки ее пылали алой краской. В конечном итоге, она остановилась в дверном проеме и на одном дыхании произнесла:

– Уроков у вас осталось раз-два, и обчелся. Без понятия, как тебе это удастся, моя дорогая, но ты это сделаешь. Не заставляй меня в тебе разочаровываться. Хотя бы раз сделай все так, как надо.

Я робко кивнула.

– В противном случае, во-первых, я лишу тебя всех карманных денег. Мне все равно, кто будет тебя спонсировать: дедушка или еще кто. От меня ты не получишь ничего. Будешь сама придумывать, где взять деньги на карандашики для губ и кофеек. Во-вторых, я не буду разговаривать с тобой все лето. Минимум. Не буду никак с тобой взаимодействовать. Ты будешь сама по себе, я – сама по себе. Ты у меня сама станешь бесприданницей. Может быть, все это для тебя послужит хорошим уроком, и в следующий раз ты «не забудешь выучить параграф».

Она показала пальцами кавычки, после чего стремительно удалилась из кухни к себе.

Еще минуты две я продолжала ошарашено стоять на том же самом месте. Мне кажется, я даже ни разу не вдохнула за это время. Я просто стояла, пыталась переварить полученную от матери информацию и понять, а что, собственно, произошло.

Осознание того, что случилось все же, пришло. И в ту самую секунду из моих глаз хлынули слезы обиды. За что? Вот чем я заслужила такое отношение к себе?

– Что за фигня с моей жизнью такая?

Когда состояние ступора прошло, я вернулась в свою комнату, забыв и про чай и про бутерброд. Чувство голода поглотилось десятком других чувств. Кое-как я переоделась обратно в уличную одежду и стремительно выбежала из дома. Руки и ноги у меня дрожали.

глава четвертая

В моем разуме поселилась тоскливая тишина. Единственное, что я испытывала внутри, прогуливаясь по малочисленным в дневной час улицам – вселенское чувство досады. Досады даже не на маму. Да, понятие мягкости моей родительнице уж точно не знакомо, но в своих словах она не ошиблась.

Вот что я за человек такой? Ведь мне действительно не приходится тратить свои силы и время ни на работу (даже странно, на самом деле, зная мою маму), ни на кружки, ни на репетиторов. Вообще ни на что. Я вношу свой вклад в домашнее хозяйство: готовлю обед или ужин, навожу порядок в квартире. Это само собой разумеющееся. И все на этом! Не так уж и много времени на это уходит. Покончив с домашними делами, оставшееся время находится полностью в моем подчинении.

Многие мои ровесники посещают спортивные секции, кружки по интересам, торчат у репетиторов часами, так еще и при всем при этом вынуждены подрабатывать по вечерам в каких-нибудь кинотеатрах или доставке пиццы.

Про подработку, кстати, тот еще анекдот. До сих пор помню, с каким ужасом ждала своего четырнадцатого дня рождения. Нет, не потому, что я боялась вступать в возраст, где начинается ответственность за свои действия. Я была увере-

на, что как только получу свой первый документ, мама тут же выпихнет меня из квартиры со словами: хватить сидеть у меня на шее, иди и ищи работу. Шутки шутками, но я, правда, этого очень боялась.

Хотя бы в этом мама проявила ко мне милосердие.

И вот теперь, кратко погуляв по прошлому и вернувшись в настоящее, я задаю сама себе вопрос: неужели так сложно взять себя в руки и учиться? От меня ведь по существу больше никто ничего не требует. Это же, вроде как, мне самой должно быть нужно.

Не могу сказать, что мне так уж все равно на свое будущее. Просто, если рассматривать позицию с точки зрения школьных оценок... А так ли важно, сколько у меня троек будет в аттестате? И будут ли они вообще, или нет. Ни для мамы, ни для меня не секрет, что на поступление в какой-то уважаемый институт, где каждый полученный за экзамены балл может стать решающим, я не рассчитываю. С этим я уже, очевидно, опоздала. Об этом нужно было задумываться еще в классе так в восьмом.

Вместе с этим, у меня нет сомнений – хоть в сколько-то достойное учебное заведение я все равно поступлю. Разумеется, на бюджетное место, потому что если я подойду к маме и скажу, что хочу поступать на платное отделение – она меня съест. Без хлеба и даже не поперхнется.

Мне и самой это будет неприятно. Мама всю жизнь растила меня практически без чьей-либо помощи, и платная уче-

ба точно будет выглядеть так, словно я реально хочу как сыр в масле кататься.

Оценки для меня никогда не играли значимой роли. Никто не переубедит меня во мнении, что получаемые в школе циферки не отражают того, что у ученика имеется в его голове. Ну вот, допустим, получила я пятерку по геометрии за проверочную работу. И дальше что? А, может быть, я списала? Может, я понятия не имею, чему же на самом деле равен квадрат гипотенузы. Не знаю, и знать не хочу. Вспоминая избитое клише – как мне это знание пригодится в жизни? Он в будущем сможет меня прокормить, этот ваш квадрат гипотенузы? Вряд ли.

Но в журналчике-то у меня будет красоваться «справедливая» пятерка.

В обратную сторону это работает точно так же.

Существует куча причин, которые могут объяснить, почему я получила неуд за тот или иной предмет. Самое банальное – учитель попросту занизил мне оценку, потому что я ему не нравлюсь. Вот неприязнь у него ко мне, и все тут. Я не убрала волосы в хвост перед уроком, сделала слишком яркий для школы макияж, как-то некрасиво ответила или еще что-то сделала не так. И после этого я обнаруживаю в своем дневнике замечательную тройку, хотя мой ответ у доски вполне тянул на четверку. Справедливо ли это?

Однажды, кстати, у меня по правде такое было.

Я никак не могла найти подход к учительнице по англий-

скому, которая вела у нас уроки в седьмом классе. Она вела у нас уроки временно, только вторую половину года, так как наша постоянная англичанка Татьяна Валентиновна зимой очень неудачно поскользнулась. Уходя домой после уроков, она кубарем скатилась с парадной лестницы и загремела в больницу с травмой голеностопа. Вплоть до самого конца года. Бедной Татьяне Валентиновне потом еще операцию пришлось делать. Короче, настрадалась она сполна.

Так вот, что бы я ни делала – для той учительницы все было плохо. С ней даже дедушка приходил разговаривать на возмущенных тонах, потому что то, что она мне предъявляла, граничило с абсурдом.

Как-то раз она до меня докопалась из-за того, что я пришла в школу не с рюкзаком, как все «правильные» ученики, а с сумкой! Как вам такое? У меня была самая обыкновенная черная сумка, очень удобная и вместительная, без единого рисунка или надписи. Я с ней уже сто раз ходила в школу, и против нее ни один учитель ничего не имел.

Ха! Только не она!

В тот день у нас произошел презабавный диалог:

– Павлова, ты куда пришла? – удивленно спросила учительница, увидев меня. – В школу за знаниями, или в кафе с подружками посидеть?

Я так и опешила:

– В школу.

– Ты считаешь, нормально в таком виде приходиться в учеб-

ное заведение? – нахмурившись, поинтересовалась она.

Ее слова повергли меня в шок. А что не так-то?

– В таком, это в каком? – непонимающе вылупилась на нее я.

– Что это за модный аксессуар у тебя на плече? Где твой рюкзак?

– Это моя сумка, – испуганно отозвалась я. – Рюкзак дома лежит.

– Для школы такие прихоти неприемлемы. Слышишь меня? Неп-ри-ем-ле-мы! – строго по слогам произнесла она.

Я буквально окаменела от ужаса.

– И что же теперь делать? – бессвязно пролепетала я.

– Иди домой за рюкзаком.

Ну и что я могла сказать ей в ответ? Маленькая, застенчивая тринадцатилетняя девочка, которая так до конца и не понимала, в чем ее обвиняли. Это сейчас я бы храбро бросилась в споры, защищая свою точку зрения, но не тогда.

– Тоже мне! Понакупят своим отпрыскам всякой блажи, а они ее потом в школу тащат! – донеслось до моих ушей, когда я уже спускалась по лестнице.

Пришлось прямо перед уроком бежать домой и менять сумку на рюкзак. Хорошо еще, что школа от моего дома в десяти минутах ходьбы. Всего на пятнадцать минут опоздала по итогу.

Так ведь к ней же на урок опоздала, не к кому-то! Ох, до сих пор с ужасом вспоминаю, как боялась тогда заходить в

кабинет, понимая, что треть урока я уже пропустила.

К чему я все это рассказала? Седьмой класс – единственный год, когда за год по английскому у меня стояла четверка вместо пяти. Эта старая кикимора, что за третью, что за четвертую четверти поставила мне три (приговаривая: тебе даже этого много!), из-за чего за год получилось только четыре.

Мама тогда яростью на меня кипела. Она-то привыкла, что у меня по английскому языку всегда стоит «отлично». Благо, потом сменила гнев на милость, когда мы с дедушкой ей объяснили положение всех дел.

В принципе, я зла на эту учительницу не держу. Человек старой закалки – ей почти семьдесят лет, – у которого уже давно в голове свои устои относительно того, как правильно, а как не очень. Что уж тут поделать, если она не хочет или не может подстроиться под современные тенденции.

Хорошо, что с восьмого класса к нам вернулась Татьяна Валентиновна, оправившись после операции.

Но не только предвзятость учителя может повлиять на низкую оценку.

Многим людям, в том числе и мне, свойственно что-то забывать.

Допустим, я всецело посвятила вечер, чтобы наизусть выучить какой-нибудь стих. Утром перед школой я его перед зеркалом еще раз повторила – все отлично. Каждое четверостишие от зубов отскакивает. Но в ключевой момент, когда

я выхожу отвечать стихотворение к доске, в мозгах происходит какой-то сбой. Я безмолвно таращусь на учительницу, с одной единственной мыслью – я забыла первую строчку.

Из-за волнения, из-за того, что планеты не сошлись, или еще из-за чего-то – неважно. Я тупо ее забыла. Самую первую строчку! Думаю, вы и сами через такое проходили и понимаете, насколько это обидно.

Естественно, итоговую оценку за ответ я получу на балл ниже.

А самое смешное, что я обязательно вспомню эту несчастную строчку еще до того, как вернусь на свое место.

То есть, суть в том, что я вроде и знаю материал, но из-за каких-либо обстоятельств не всегда получается безошибочно его презентовать.

С какой бы легкостью я не относилась к получаемым оценкам, сейчас я приняла твердое для себя решение исправить эту непрошеную двойку. Чтобы и себе доказать, что я могу, так как все в моих руках, а вместе с этим, чтобы избежать негатива с мамой.

Но как, блин, я это сделаю?

С этими странными мыслями я, сама того не сознавая, оказалась у знакового для себя места.

Недавно я обмолвилась о том, что некоторые детали из юношеской жизни моего дедули знакомы и мне. Нет, траву я не поджигаю. И даже в прохожих ничем не кидаюсь. До

таких своеобразных экспериментов я еще не докатилась. Но кое-чем нетривиальным я похвастаться тоже могу.

Минутах в двадцати от моего дома есть один старый заброшенный торговый центр. Универмаг, если по старинке. Он стоит почти на самом отшибе района, и, честно говоря, для меня это большая загадка, почему его до сих пор не разрушили полностью. На месте этого универмага легко могли построить новую многоэтажку, еще и для детского городка место бы осталось. Масштабы неиспользуемой площади лично меня шокировали.

Определение «торговый центр» звучит как очень большая похвала для этих останков. Вероятно, во времена моего младенчества (а может, даже когда меня еще не существовало), в этом здании находился местный универмаг, или что-то типа того.

При мне он уже никогда не функционировал. Всю свою сознательную жизнь я знаю его исключительно как опустевшее и всеми забытое нечто.

Снаружи постройка выглядела еще сносно. Несмотря на выбитые окна, квадратное здание из красного кирпича и серых бетонных блоков прочно стояло на своем фундаменте. За какой-то целью вокруг этой развалюхи установили забор из железных листов, примерно с мой рост. Будто бы он мог стать непреодолимым препятствием для кого-то. Выносить из этих развалин было практически нечего, а представители сомнительного контингента обитали в более подходящих

для себя местах. По всем районам нашего города таких знач-ных уголков наберется предостаточно.

Что еще более странно – отсутствие на этом участке охра-ны. То есть, нашлась веская необходимость оградить эту без-жизненную заметку из прошлого забором, но посадить туда охранника – нет? Логика убийственная, не правда ли?

Ах да, человеку же придется платить зарплату за его ра-боту. Как же я могла забыть о таком важном аспекте!

Собственно, из-за того, что здание оказалось неохраняе-мым, я и соблазнилась в самый первый раз залезть внутрь. В целом, это совсем на меня не похоже, но, почему-то здесь я не смогла устоять. Очень уж интересно было взглянуть на внутреннее «убранство».

Когда я совершила первый налет на заброшку, я и поняла, что влезла именно в старый торговый центр.

Внутрь я попала через маленький боковой вход, который когда-то предусмотрительно заблокировали фанерным ли-стом. Понятное дело, что я не первая, кому пришло в голо-ву прогуляться по развалинам. С одной стороны этот фанер-ный лист был оторван, создавая небольшой зазор. В него я и юркнула.

К слову, проникнув внутрь, я не почувствовала внутри се-бя ни страха, ни паники. Всплеск адреналина перекрыл ма-лейшее чувство тревожности.

Разумеется, никакого искусственного освещения внутри не сохранилось, а уличного света, льющегося через пустые

оконные рамы, оказывалось недостаточно. Я включила на телефоне фонарик, и смело прошествовала вперед по коридору. С обеих сторон меня окружали металлические, пластмассовые и стеклянные (конечно, уже без стекла) прилавки, с потолков свисали необычные люстры. Некоторые плафоны поразительным образом сохранили свою целостность, но таких я насчитала не больше двадцати процентов от общего количества.

Не могу сказать точно, но, кажется, с противоположной стороны имелся такой же коридор. С улицы я видела параллельный боковой вход, который, как раз таки, был закрыт.

Пройдя этот небольшой коридор, я оказалась в большом центральном зале, который занимал почти весь первый этаж. По большей части, просторное помещение пустовало. К основным стенам прилегали маленькие закутки, бывшие когда-то магазинчиками. Там-сям валялись осколки, куски железа и пластика. Ничего интересного, проще говоря. В конце одной из стен я подметила несколько лифтов, вернее то, что от них осталось, и лестницу, ведущую на второй этаж.

Ну и что вы думаете? Конечно же, я потащилась наверх. Вся имевшаяся во мне трусость, видимо, спала крепким сном в тот момент. Иначе, не знаю чем объяснить такое безрассудство со своей стороны.

В момент, когда я поднималась по лестнице, я против своей воли чуть не заработала первый сердечный приступ. На первом этаже раздался оглушительный грохот. Судя по зву-

ку, с большой высоты рухнули какие-то доски. А мое сердце рухнуло в пятки. Я постояла еще пару минут на лестнице, боясь сделать даже вдох. Когда в заброшке снова воцарилась гробовое молчание, я нашла в себе смелость продолжить свое исследование.

Забегая вперед, скажу, что всего в здании значилось три этажа, но побывать на третьем, мне так и не удалось. От широкого лестничного пролета ведущего туда не осталось и трех уцелевших ступеней.

На втором этаже располагалось несколько помещений. Где-то я видела старые поломанные стулья и столики – по всей видимости, кафетерий или столовую, где-то находила разбросанные части манекенов, из чего делала вывод, что проходила мимо магазинов одежды.

В одном месте я с удивлением нашла уцелевшие механические весы, привычные для старых продуктовых магазинов. Я такие не видела уже лет десять.

Большинство проходов на обоих этажах были завалены отсыревшими досками, арматурой, стеклом и разнообразным мусором. Вкупе с непроглядной темнотой (а на втором этаже света было еще меньше), атмосфера во всем здании царил мрачная.

В общей сложности, в тот день я провела около часа внутри, исследуя крупицы неизвестности, которая уже давно канула в лету.

Произошло это два года назад.

С тех пор, я возвращаюсь сюда снова и снова. Нечасто, но периодически. Многие люди, когда им нужно подумать, погрузить или просто побыть вне дома куда-нибудь ходят. Гуляют в парке или по лесу, выходят на красивую набережную, где порывистый ветер заглушает все их мысли. В конце концов, идут в ближайшую кофейню.

Ладно, в кофейню и я тоже хожу. Но именно это место... Это место овеяно для меня каким-то мистическим волшебством. Да, я странная, я знаю. Находить очарование в полуразвалившемся старом универмаге – определенно симптом внушительного отклонения от нормы. Ну, вот такая вот я, со своими причудами.

Раз двенадцать или четырнадцать я приходила сюда. Поплакать, посмеяться, разобрать какие-то изводящие душу переживания. А может быть, просто выйти из своей зоны комфорта. Всегда одна. Такая, знаете, своеобразная альтернатива психологу. Самое классное, что за все это время, внутри самого здания я ни разу ни с кем не пересеклась. Хотя мне даже страшно представить свою гипотетическую реакцию, если бы я там кого-то встретила. Наверное, я бы просто заорала от ужаса и стала бы звать на помощь.

Но... Кого?

И вот я снова стою здесь. Перед зданием, которое мне до боли знакомо и стало уже чуть ли не родным. Только сейчас до меня дошла очевидная мысль, что если эти развалины

окончательно снесут – я умру с горя. Куда я тогда буду приходить, и совершать над собой процесс исцеления? Не может же она стоять тут вечно и бесцельно занимать территорию. Я недавно что-то слышала, о строительстве новой дороги в этом районе...

Так, Яна! Ну-ка к черту все дурные мысли.

С обреченным вздохом я поднялась по умирающим ступенькам к входу. Около двух месяцев я сюда не приходила. Фанерный лист, закрывавший боковой вход, теперь полноценно вырвали, и прям здесь же и бросили. Вернее, не бросили, а бережно прислонили к кирпичной стене здания.

– Правильно, чего добру пропадать. А вдруг импровизированная дверь снова понадобится, – подумала я, подавив смешок.

Перед тем, как войти, я прислушалась: признаков жизни внутри не обнаружено. Полное беззвучие, которому позавидовала бы любая библиотека, лишь иногда прерывалось порывами ветра.

Я сделала уверенный шаг вперед.

От входа начинался тот самый коридорчик. Визуально за эти два месяца картина никак не изменилась. Лишь добавилось несколько новых рисунков и граффити. Поприбавилось хлама, в виде железок и мусора, но в целом – все как всегда.

А теперь настало время для самой главной детали! Вы наверняка думаете, что я прихожу сюда, чтобы просто погрузиться, сидя на мокрых досках посреди обшарпанных стен и

трухи? Ну, в общем-то, да, но нет.

Я приходила не просто в это здание само по себе.

Я шла в конкретное место.

В свой первый визит сюда я обнаружила одно особенное помещение. Широкий зрительный зал, рядов на двадцать пять или тридцать, где изумительным образом уцелела большая часть деревянных сидений, и узкая высокая сцена.

Что это раньше было – кинотеатр, или мини-театр, по большому счету, я так и не поняла. А может, обычный зал для проведения детских праздников. У нас в школе идентичный актовый зал по форме. Разве что там сцена более широкая.

Никакого экрана над сценой не было. Может быть, уже не было. Однако я все же склоняюсь к тому, что это когда-то было маленьким театром. Такие высокие сцены с выделяющимися краями не свойственны кинозалам. Деревянный помост, к которому вела узкая, но массивная лестница, тоже намекала на то, что фильмы здесь никогда не показывали. Не знаю, может я и ошибаюсь.

– Администрация решила сэкономить деньги, и построить дом культуры и универмаг в одном и том же здании? Хитро, – иронично подумала я, в первый раз обнаружив зал.

Но даже не сам этот зал, и не то, что сиденья до сих пор никто не додумался украсть, меня так обескуражили.

В середине сцены, величественно возвышаясь над всем зрительным залом, стояло... пианино. Да-да, самое настоя-

щее пианино!

Как человек, который и нот-то не знал, и который никогда не ходил в музыкальную школу, я не проявила никакого интереса к этому потрепанному жизнью и временем инструменту. Ну, стоит себе и стоит. Ну, не украли его, и не разобрали на части. Всего лишь четверть клавиш не работает или западает. Вау, типа!

По началу.

Но стоило только мне за него сесть... Стоило только нажать на одну клавишу...

Меня охватили необъятные небеса. В ту же секунду мне захотелось научиться играть на этом магической машине! Захотелось хотя бы на минимальном уровне овладеть этой пьянящей гаммой звуков, способной подарить тысячу чувств мгновенно.

Во мне проснулась любовь к музыке от старого, разбитого пианино, которое я нашла черт знает где, по воле случайности. Звучит как нонсенс. Но теперь-то я знаю, что это один из таких неожиданных сюрпризов, за которые ты оказываешься не зол, а благодарен судьбе.

С того момента я в самом деле начала учиться играть на пианино. Постепенно, по чуть-чуть выучила всю нотную грамоту, после чего стала пытаться разобраться в ключах. Через некоторое время (не буду говорить какое, чтобы не позориться) я осмелела, и стала играть гаммы, этюды и аккорды.

Теоретическую базу я освоила где-то на восемьдесят про-

центов.

Получается, пока что, так себе, но зато я прокачала моторику пальцев до высшего уровня! Но я не отчаиваюсь, все еще впереди. Спасибо видеоурокам в Интернете за мой, пусть и небольшой, но прогресс!

Я понимаю, насколько нелепо это все звучит. На краю города, стоит какой-то древний торговый центр, который многие годы никто не хочет сносить. Заброшенный пустырь с битыми стеклами и ржавыми трубами, где только скромные вывески напоминают о том, что раньше здесь была жизнь. Откуда-то в этом помещении находится более-менее сохранившийся зрительный зал (откуда он вообще в универмаге? если только его реально не совместили с домом культуры), в котором, словно вишенка на торте, преспокойно стоит никем не тронутое пианино. Звучит как бред, но я много раз видела это все своими глазами. Прикасалась к этому.

Если бы мне кто-то другой про такое рассказал, я бы точно покрутила пальцем у виска.

Ни мама, ни бабушка не смогли удовлетворить моему любопытству относительно этого места. Оказалось, что мама очень редко посещала магазины, которые здесь находились, сославшись на слишком высокие цены. Оно и неудивительно, лишних денег тогда у нее не водилось. Разумеется, на вопрос имелся ли здесь какой-то зрелищный вид искусства, она тем более не смогла ответить.

– А тебе-то для чего это знать? – с подозрением спраши-

вала мама. – Уж не говори, что ты лазила туда.

– Что ты! Конечно, нет, – продуманно врала я, отмахиваясь от нее руками. – Просто мы в классе обсуждали эту заброшку. Вот кто-то про это и сказал, но я не поверила. Решила, что лучше у тебя спрошу.

– Знать не знаю, что там было, а что нет, – угрюмо отвечала она. – Я тобой занималась, мне по театрам ходить было некогда.

Разговор этот был почти два года назад. Как раз после моего первого визита в это «чистилище».

Дедушка как не силился, так и не смог вспомнить, что конкретно находилось в здании:

– Янчик, ты думаешь, я сейчас смогу вспомнить? – смеялся он. – Он закрылся лет пятнадцать назад. Последний раз я в нем был еще до твоего рождения, это точно.

Подумать только, прошло целых пятнадцать лет, а то и больше...

Неужели, этот клочок земли настолько никому не нужен, что лучше пусть уж хоть что-то на нем будет находиться?

Отважно миновав коридор, я отправилась напрямиком к лестнице. Мне уже не терпелось поскорее сесть за свое любимое пианино. Вновь прикоснуться к тем клавишам, колдовские звуки которых я не слышала уже два месяца.

Проходя мимо центрального зала, я направила свет фонарика вглубь помещения. Вновь никаких разительных перемен мною подмечено не было. Либо же за время моего от-

сутствия здесь почти никто не ошивался, либо гости оказались очень деликатными в своем поведении. Мне всегда сразу бросаются в глаза любые изменения: разбившийся плафон от люстры, упавшая на пол вывеска «кофе-чай», провалившаяся в подвал ступенька. Я же здесь без пяти минут дома!

На лестницу я чуть ли не вбежала. Меня распирало от чувства нереального счастья. Хотя бы на недолгое время я смогу отвлечься от своих негативных мыслей. Может быть, выражу свою обиду через музыку. Так, как смогу. А со свежей головой думаться будет легче.

Внезапно, я замерла на месте.

Расстояние от верхней ступеньки лестницы до зрительного зала составляло около двадцати шагов напрямик. Стоя почти на самом верху, я услышала какой-то тихий шум на втором этаже, но не сразу сообразила природу происхождения звука.

Меня окатила ледяная волна, стремительно пронесшаяся от кончиков волос до пальцев на ногах.

– Что это? Не хватало, чтобы меня еще здесь застали! Столько раз сюда приходила и никого не видела! Черная полоса какая-то! – возмущенно подумала я, стараясь не паниковать.

Приглушенный звук, тем временем, не прекращался.

С минуту я простояла как вкопанная на предпоследней ступеньке, только после чего меня, наконец, осенило: играло пианино!

Ну, не само, конечно, оно играло. Кто-то играл на моем пианино!

Те лобные доли моего мозга, которые отвечали за рациональность поступков, советовали мне немедленно ретироваться. Они даже не советовали, они орали что есть мочи. Мало ли кто мог там сидеть. А что, если там целая компания? Каких-нибудь подростков-хулиганов, или чего хуже – алкоголиков и преступников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.